

Восток – Запад

Т.П. Григорьева

Душа Японии: вакон кансай

Почему я вновь возвращаюсь к теме национальной души на примере Японии? Потому что без осознания своей души или своего Пути у нации нет будущего, особенно теперь, при надвигающейся глобализации. Продолжает жить лишь то, что сохранило себя, свой неповторимый голос в мировом созвучии. Япония может служить примером: с древности японцы почитали то, что назвали японской душой (*ямато дамасий*). В отличие от России, которая никак не найдет себя, — не потому ли, что ищет не там, не в своих истоках. Стоит вспомнить, что погибли именно те цивилизации, которые не следовали своему Пути, где человек, возмнив себя богоравным, проявлял своеволие (Греция, Египет). В результате центр жизни смещался с божественного на человеческий уровень. И все переворачивалось, нарушалась естественная мера, одно развивалось за счет другого. Тогда душа покидала свою родину, смещаясь на Запад, искала другое пристанище, но и оно оказалось непрочным. Односторонность антропоцентризма привела в конечном счете к отчуждению человека от самого себя, к самовластию потребительской цивилизации, поставившей мир на грань гибели.

Этого не произошло в Японии, где человек постоянно ощущал себя благодарным учеником Природы, не допуская и мысли, что может по своей воле изменить то, что предназначено небесными богами. Небесные

же боги заложили Основу, соединив два в одно (*мусуби* — завязь), как боги Таками-мусуби и Ками-но мусуби, явившиеся вслед за богом Священного Центра (Амэ-но Минака-нуси). Лишь при наличии Центра естественным образом соединяется то, что предназначено друг другу, сообразуясь с Небом и Землей. Священный Центр, как и положено, пребывал в покое, что дало возможность двум действующим богам заложить программу Троичности. Это и послужило основой исконной веры японцев Синто (Пути богов — *ками*¹), обусловив открытость Синто другому и восхождение к Троичности (Небо — Земля — Человек). Последующее не отрицается предыдущим, а наращивается на ту же Основу, как один виток дерева на другой. Непротивопоставление, принцип недвойственности, или недואльная модель мира, структурировали сознание японцев.

Синто на свой лад воспринимало учения, пришедшие из Китая (конфуцианство, буддизм, даосизм). Начиная с эпохи Нара (VIII в.) Синто соединяется с буддизмом в общей практике — *сюэндо*, а век спустя — в *рёбу-синто*. *Рёбу* можно перевести как «два в одном», т. е. Синто не противостоит буддизму. В какие-то времена противостояние имело место, сторонники возрожденного Синто отвергали буддизм, но в сущности они настолько взаимопрониклись, что разделить их было уже невозможно, японский буддизм имеет синтоистский оттенок. До сих пор буддизм и синтоизм сосуществуют, их храмы расположены рядом, на одной территории. Но я пытаюсь понять идеальную модель, которая редко осуществляется в конкретное время, но обуславливает его движение. По крайней мере в первые годы эпохи Мэйдзи (1868—1912), период наивысшего увлечения западной цивилизацией, один из ее сторонников, Накамура Масанао, переводчик «Самопомощи» Смайlsa и «Принципов свободы» Милля, предупреждал об опасности, которую несет с собой односторонность европейской науки, не уравновешенной моралью. Научное знание проникает в законы материального мира, но не может предотвратить падение нравов, как это случилось в Египте и Греции².

Японцы издавна придавали особое значение вселенскому Равновесию (*Ва*), благодаря подвиж-

¹ Крупнейший ученый XVIII века Мотоори Норинага в «Комментариях к Кодзики» охарактеризовал *ками* как нечто необычное, загадочное, внушающее благоговейное содрогание.

² О целостном характере японской культуры примерно в то же время говорил знаток Японии Лафкадио Хэрн: «Неизмеримо выше стояла древнеяпонская культура, культура души, проникнутая радостным мужеством, простотой, самоотречением и умеренностью; выше были ее запросы счастья и ее этические стремления, глубже ее проникновенная вера. На Западе царил превосходство не этики, а интеллекта, изоциренного в способах угнетения, уничтожения слабого сильным» (Хэрн Л. Душа Японии. Кокоро. М., 1997. С. 5).

ности которого все сообщается между собой естественным образом. Уже древнее название Японии — *Ямато* — записывали иероглифами «Великое Равновесие». А мудрейший правитель Японии Сётоку Тайси (574—622) начинает свою «Конституцию из 17 статей» словами: «Почитайте уравниленность и не действуйте наперекор. Следуйте предустановленному порядку: уравниленность есть свойство самих вещей. Избегайте распрей, раздоров, присущих неразвитому уму»³. Оттого как национальному гению и ныне поклоняются Сётоку Тайси в храмах и посвящают книги.

Так созидалась духовная сила Японии — японская душа, открытая внешнему миру, прежде всего Китаю. Но когда нарушилось равновесие в пользу внешнего, поэт и министр Сугавара Митидзанэ (IX в.) счел необходимым оградить японцев от чрезмерного увлечения всем китайским, выдвинув идею *вако кансай* — «японская душа — китайская ученость» (*вако* — другое чтение *Ямато дамасий*). Благодарные потомки называли Митидзанэ божеством высшего знания или мудрости (*Гакумон-но о-камисама*).

В чем же заключалась эта мудрость? Прежде всего в следовании закону Равновесия (*Ва*), непротивопоставления одного другому, почтительного отношения к знанию как таковому, ибо в сфере духа, который японцы ощущали как высшую Реальность, все едино. Нельзя не уважать ученость, пренебрегать древней культурой, но тем более нельзя забывать о своей душе. Т. е. не только к уравниленности призывал Митидзанэ, но к осознанию своего Пути, несмешиваемости японской души с китайской ученостью. Поэт уловил желание народа: еще до того появились параллельные японские и китайские тексты, дабы все могли увидеть, что японские нисколько не хуже китайских, а то и превосходят китайские образцы. Так, в 712 г. увидела свет священная книга японцев Кодзики (Запись о делах древности), а в 720-м — ее китайский вариант Нихонги (Анналы Японии). В 751-м вышла антология китайских стихов (*канси*), а в 759-м — знаменитая поэтическая антология *Манъёсю* — гордость Японии. Но Сугавара Митидзанэ нашел

идеальную формулу для определения национального Пути.

Каждому народу предназначен свой Путь; эти пути могут сообщаться, но не могут подменять друг друга. Из века в век китайцы почитали знания, почерпнутые из книг совершенномудрых (*вэнь*). Путь для них — это моральный Закон Вселенной. Для японцев Путь — это очищение души Красотой. Превыше всего они ставили знание сердца, непредсказуемое, мгновенное, как непредсказуемы и мгновенны проявления божеств — *ками*. Отсюда идеал быстротечной Красоты (*Мудзё-но би*), столь же недолговечной, как лепестки сакуры. Наивысшее наслаждение они испытывали от восторга (*аварэ*) перед затаенной в каждой былинке красотой, преображающей душу человека. Проникаясь чувством прекрасного, человек забывает себя, входит в состояние *муга* (не-я, самозабвения), *мусин* (непреднамеренности) — отрешенности от себя внешнего, временного, чтобы узнать себя истинного, предвечного. Это не отрицание личности, а поиск ее подлинности. Можно согласиться с мнением Л. Хэрна: *муга* не отрицание личности, «это — божественное в каждом существе. По-японски оно называется *Муга-но тайга* — “великая личность” без себялюбия. Иной истинной “личности” не существует»⁴. Забывая себя, приобретаешь ко всем, становишься всеединым; слыша биение сердец, сопереживаешь любому существу⁵. Просветленная душа способна на высшее переживание Красоты Небытия (*Му-но би*), по словам мастера Но-Сэами (1363—1443).

Доверие чувству или сверх-чувству, чувству в его полноте (*ёдзё*) предопределило характер японского искусства, где человек как бы самоустраняется, позволяя вещам говорить за себя, «следует кисти» (*дзуйхицу*), а не своей воле. Отсюда склонность к иносказанию, недосказанности. Лишь намек позволяет проникнуть в то, что скрыто от внешнего взора, в истинную реальность невидимого мира. Это и позволяет японскую культуру назвать культурой подтекста, а метод познания — интуитивным прозрением Истины, явленной в форме прекрасного или Неизменного в изменчивом (*Фуэки-рюко*).

³ В переводе К. Попова: «Цените согласие, ведь основа [всего — дух] несопротивления. Все люди входят в группировки, [наносящие вред государству], а мудрых мало... При согласии в верхах и дружелюбии в низах дела пойдут естественным порядком» (Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984. С. 22).

⁴ Хэрн Л. Душа Японии. С. 269.

⁵ «Истина-Искренность (*Макото*) для Чжу Си то же самое, что *Ли* (всеобщая и индивидуальная сущность вещей. — Т.Г.). Для японцев же Истина не *Ли*, а сердечная чистота в состоянии самозабвения. Японцы изначально почитали чистоту сердца и забвение своего я» (*Сагара Тору*. Кокоро. Токио, 1995. С. 77—78). В пример автор приводит рассуждение Кэнко-хоси: «Человек — душа Вселенной. Она не имеет пределов. Так как же может иметь пределы человеческая природа!» (Цурэдзурэ-гуса, дан 211). И добавляет: «Разве Кэнко-хоси не хотел этим сказать, что изначальная природа человека так же безгранична, как безграничны Небо и Земля. Едина природа Неба и Человека, духовная сила человека та же, что и духовная сила Неба» (*Сагара Тору*. Кокоро. С. 82).

Истина — за словами (*гэнгай*). Слово — лишь возможность прикосновения к Истине, к таинственно-прекрасному, пребывающему в мире невидимом, в Небытии, в Пустоте, понимаемой как полнота непроявленного мира. Вместе с тем у слов есть душа (*котодама*), которая соединяет слова с высшим духом. Слова самопроизрастают из сердца — *когоро*, как о том говорит Ки-но Цураюки в Предисловии к антологии Кокинсю (905 г.): «Песни Ямато! Они вырастают из сердца человека, как из зерна, и превращаются в лепестки слов... Не прибегая к силе, движут они Небом и Землей, приводят в восторг (*аварэ*) невидимых глазу духов, делают прочным союз мужчин и женщин, смягчают сердца суровых воинов. Такова песня!»⁶

Истину японцы выражали языком искусства и называли его Путем (*Гэйдо*), с которым сообщались Путь цветка (*ка-до*), Путь чая (*тя-до*). И не в том ли причина возрастающего интереса к японскому искусству, что оно возвращает ощущение Жизни, естественного ритма, воплощает в единичном Единое, будь то хайку, чайная церемония или один цветок. «Один цветок, а не сто дают почувствовать душу цветка», — говорят мастера Дзэн. Именно потому, что в каждом существе, в каждом явлении природы, как и в каждом виде искусства, есть свое сердце — *когоро*. Смысл этого понятия трудно передать по причине его универсальности и уникальности одновременно. Это и душевность, сердечность и сердцевина, центр, уравнивающий сущее, соединяющий сердце весны с сердцем поэта. Уже древние императоры Японии повелевали следовать сердцу чистому, светлому, правдивому; каково изначальное сердце (*хонсин*), такими будут и дела людей.

⁶ Пер. А.Е. Глускиной.

⁷ Об этом предупреждал японский христианин Утимура Кандзо: «Истина исходит от Бога, не от государства. Если нельзя спасти страну, то нужно спасти Истину. Если спасем Истину, то и поверженное государство поднимется. Отречемся от Истины, и процветающее государство погибнет» (*Утимура Кандзо*. ПСС. В 40 т. Токио, 1980—1984. Т. 8. С. 129).

Иногда сердце — *когоро* отождествляют с душой — *тама*. Но сердце не странствует, подобно свободной душе; будучи центром, пребывает в покое, давая выход движению. Будучи целостным, не имеет и способности *тама*, разделяясь, дробиться (*бунрэй*). Благодатная священная душа (*ниги-митама*) нисходит от небесных богов в сердце человека, если оно не утратило своей чистоты, ясности. И если не получает отклика от сердца, замутненного житейской суетой, то впадает в гнев, превращается в буйную душу (*ара-митама*). И люди совершают обряды, чтобы умиловить, успокоить разгневанного бога, но это возможно только тогда, когда очищается их собственное сердце. *Кокоро* всегда индивидуально, сохраняя себя, общается с единым сердцем (*иссин*). *Тама* принадлежит множеству, отражает общие свойства, как *кото-дама* — душа слов, *кадзу-дама* — душа чисел. Т. е. у души — *тама* и у *когоро* разные назначения, но одного нет без другого, они взаимнеобходимы. Закон Равновесия исключает подобие: без единства души и сердца не было бы и *Ямато дамасий*.

В последнее время, похоже, центр сместился с *Ямато дамасий* на *Нихон-но когоро* (Сердце Японии). Понятие *Ямато дамасий* вышло из доверия, когда в годы агрессии оторвалось от Основы, утратило первоначальный смысл — уравнивать сущее. Все следует закону *дзюн-гяку* (туда-обратно), чтобы не было чего-то одного, движения в одну сторону (*гяку-дзюн*). *Нихон-но когоро* так же нуждается в *Нихон-но тама*, как *тама* в *когоро*, чтобы временное, изменчивое не затмило вечное, неизменное. Когда прерывается связь Земли с Небом, то все приходит в упадок, даже если кажется процветающим⁷.

Каждое сердце бьется по-своему, в своем ритме, в унисон с другими и с изначальным сердцем; сообщаясь с небесной душой, сердца соединяются в одно сердце (*иссин*). На языке *Дзэн* это звучит как «Одно во всем, и все в Одном». И это отлично от греческого «все во всем», — тип связи, унаследованный Западом как прямая линия, связь по горизонтали, которая не дает простора отдельному. У японцев Единое присутствует в единичном, связь с высшей Реальностью осуществляется по вертикали: с *Ямато дамасий*, с единым сердцем нации (*иссин*). Этот насущный для выживания человечества принцип отношения одного с другим, который христианские святые называли неслиянным и нераздельным единством или соборностью, а на языке современной науки — голографической или сингулярной структурой, в соответствии с квантовым устройством мира. (Сингулярный, значит, центр везде, в каждой точке, что делает каждую — точкой бесконечности.) Т. е. наука приходит к тому, что на Востоке открылось интуиции древних: «Одно во всем, и все в Одном»; в миге заключена вечность, в зерне — Вселенная. Все предустановлено, идет своим чередом, единичное являет единый закон Пути. Говоря словами Дайсэцу Судзуки, «каждый миг человеческой жизни в той мере, в какой он стал выражением внутренней сути, изначален, божествен, творится из ничего и не может быть восстановлен. Каждая индивидуальная жизнь, таким образом, есть великое произведение искусства. Сумеет или не сумеет человек сделать ее превосходным, неподражаемым шедевром, зависит от степени его понимания Пустоты, действующей в нем самом»⁸.

Мне могут возразить, что Япония за последние десятилетия очень изменилась, подвержена тем же негативным процессам массовизации,

культурной деградации, что и весь псевдоцивилизованный мир. Японская литература не избежала выворачивания наизнанку (*гяку-дзюн*), когда вместо Красоты Небытия (*Му-но би*) человека начинает преследовать кошмар Небытия, как в романах талантливого писателя Мураками Харуки, сигнализирующих о «конце света». Все это следствие того процесса, который обнажили Абэ Кобо и Оэ Кэндзабуро: отчуждение человека, замкнувшегося на себе, разъятого на части и оттого утратившего способность к сопереживанию. Отсюда утрата личной и национальной идентичности, неотвратимость движения вспять. Оэ Кэндзабуро видит причину трагического ощущения в оторванности от Основы, в неукоренности (*uprooted*). Отпадение от Основы тем более остро переживается японцами, что им непривычно чувство заброшенности, потерянности, пришедшее с экзистенциализмом, — с новым укладом жизни. У них не было иммунитета против одиночества человека, оторванного от Природы, отпавшего от Целого. Но дело не только во влиянии западной культуры, утратившей свое назначение. Дело в самой Японии, в том, что на ее долю выпали невиданные испытания военного времени и она до сих пор не может оправиться от шока. Появилось сомнение в верности прежних идеалов, желание переосмыслить прошлое. Свернув с Пути, утратив чувство равновесия, позволяющее выстраивать отношения с другими, не теряя себя, японцы пришли к ощущению той пустоты, которая внушает ужас. Об этом предупреждали наиболее проницательные умы в начале модернизации Японии, видя выход в следовании традиционной модели *ваконёсай* — «японская душа — европейская наука», чтобы в погоне за новшествами не забыть о своей душе.

Когда исчезает Центр, делающий возможным

⁸ Судзуки Д. Мистицизм: христианский и буддийский. Киев, 1996. С. 29.

равновесие сторон, распадаются все связи. Это и встревожило чутких к Переменам японцев. В 1983 и в 1985 гг. премьер-министр Накасонэ счел необходимым напомнить, насколько образ мысли и жизни японцев укоренен в традиции, идущей от Кодзики и Нихонги. Веками эта традиция охраняла страну и народ от разрушительного влияния иностранных держав. Не стоял вопрос о национальной идентичности, японцы ощущали общество как «единую семью», страну как «единое сердце» (*иккоку иссин*). Оттого находили понимание и признание у других народов. Причастившись не лучшим образом европейской цивилизации, Япония продолжала двигаться по инерции. Но не свой Путь конечен, имеет пределы, в отличие от своего, исконного Пути, который не может исчезнуть, даже если от него отступили. Изменчивое, вторичное затмило первичное, исконное, однако на время. Конечно, контакт с Западом имел не только негативные последствия. Европейская культура обогатила духовный мир японцев, расширила границы личности. Но реализовать идею *вакон ёсай* было гораздо труднее, чем *вакон кансай*, по причине коренного, структурного несоответствия мышления: для одних одно — два, для других два — одно. Я уже говорила, что японские боги были озабочены, чтобы одно не распалось

на два (*мусуби*), ибо все двуедино по своей природе. Завещали следовать Закону подвижного Равновесия (*Ва*), живому ритму Природы или вселенского Сердца. И Разум Будды не знает делений, тем обусловив единство сущего. На Западе же со времен Аристотеля господствует метод аналитики, закон «исключенного третьего». Века спустя Плотин упрекал Пифагора в «дерзости», разложившей Единое на множество: ум отпал от Единого и отпала от ума душа. Вся высокая философия противодействовала духу дуализма, раздвоения сущего. По Гегелю: «Картезианская философия выразила в философской форме повсюду распространявшийся дуализм культуры, характерный для новой истории нашего северо-западного мира, дуализм, который означал гибель всей прежней жизни»⁹. Японии же есть к чему возвращаться: соединив свое Сердце с небесной Душой, она сможет избежать недугов, которые преследуют народы, не знающие своего Пути.

Японская литература последних десятилетий отличается таким многообразием и глубиной (недаром преобладающим называют «философский роман»), что от нее можно ждать новых открытий, на что надеялся еще первый реформатор японской литературы Цубоути Сёё (1895—1935). В трактате «Сокровенная суть повести» («Сёсэцу синдзуй») он писал: «Я решил поделиться своими

⁹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. М., 1970—1971. Т. 1. С. 281.

соображениями, ибо верю, что наша повесть не будет уступать европейской и займет достойное место на алтаре искусства наряду с живописью, музыкой и поэзией». Он искал новый метод, соответствующий времени, но мыслил традиционно: «Уходит весна, приходит лето, минует осень, возвращается зима — таков закон четырех времен года. Заходит солнце, наступает ночь — таков закон суток. Все вещи во Вселенной следуют своему закону, то, что исходит от Неба, и то, что создано человеком, — все имеет свой закон, и повесть не составляет исключения». Но нынешняя повесть должна отличаться от «Гэндзи моногатари» Мурасаки Сикибу, повести X века. «Высокий стиль “Гэндзи” — явление чисто японское. Ему присущи изысканность и нежность, красота раскрывается иносказательно, но ему не хватает силы энергии (*ки*). “Гэндзи” напоминает тонкую иву, которая гнется под порывами ветра... Писатели же должны отражать мир, в котором встречаются не только изящные, услаждающие вещи, но и грубые, досадные. Если меняются нравы и чувства, не может не меняться стиль»¹⁰. Есть Неизменное в Изменчивом. Не более ли прав Кавабата Ясунари, назвав в Нобелевской речи «Гэндзи моногатари» вершиной японской

прозы всех времен. Действительно, лишь опираясь на Основу, литература сохраняет себя, о чем свидетельствуют лучшие образцы японской прозы и кинематографа. По-моему, фильм «После жизни» Корээда Хирокадзэ и по манере, и по характерам чисто японский. Лишь после смерти человек возвращается к себе. В атмосфере японской вежливости каждый выражает свои чувства по-своему, своей интонацией. И это традиционно. С давних пор мир духов воспринимался японцами как более реальный. Можно вспомнить Хирата Ацутанэ (1776—1843), сторонника «возрожденного синто» (*фукко синто*), уверенного в том, что истинная жизнь начинается лишь после смерти, а жизнь земная есть «временное пристанище».

Когда в 1988 году, после долгого небывания в Японии, мне наконец посчастливилось увидеть ее, то, выступая на симпозиуме, посвященном Кавабата Ясунари, я изобразила графически две модели: горизонтальную — европейскую и вертикальную — японскую. При горизонтальной можно отсекать прошлое, при вертикальной — нет, ибо все наращивается на ту же Основу.

Что ж! Поживем, увидим.

¹⁰ *Цубоути Сёё* / Полн. собр. соч. совр. японской литературы. Т. 1. Токио, 1956. С. 80, 103, 105.

